

ВСПОМИНАЮ ДЛЯ ЗАБВЕНИЯ

I

Последние два года меня не покидают горе и гнев. Живут они в моем сердце и памяти.

Давно уже хотелось мне напомнить в статье о нескольких молодых писателях, чтобы сбросить с себя тяжкое бремя скорби, — попросту говоря, хоть немного забыться.

Два года тому назад в эти часы — в ночь с седьмого на восьмое февраля 1931 года — погибли пять наших молодых писателей. Ни одна шанхайская газета не написала об этом — то ли не посмела, то ли не захотела, то ли просто не удостоила вниманием. И только 25 мая в одиннадцатом номере «Литературных новостей» появилась очень осторожная, туманная статья г. Линь Мана «Впечатления о Бай Мане». Автор писал:

«Бай Ман перевел ряд стихотворений венгерского поэта Петефи и написал довольно много стихов. Лу Синь — в то время редактор журнала «Поток»¹ — принял его рукопись и послал ему письмо с приглашением встретиться. Но поэт избегал встреч со знаменитостями, и Лу Синь сам отправился к нему, уговаривая заняться литературным трудом. Но Бай Ман так и не

¹ «Поток» — выходил с июня 1928 г. по август 1929 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

из сборника

«Утренние цветы, собранные вечером»

смог посвятить себя кабинетной работе и продолжал идти своим путем. Вскоре его опять арестовали...»

Наши отношения обрисованы здесь неверно. Бай Ман не был настолько самолюбив, чтобы отказаться звать ко мне. И не потому, что я требовал личной встречи. Я тоже не так высокомерен, чтобы необдуманно звать к себе незнакомого автора. Повод к нашей встрече был самым обычным. Он прислал мне рукопись перевода биографии Петефи с немецкого, и я письменно попросил его доставить мне оригинал, вошедший в сборник стихотворений Петефи. Пересылать книгу по почте было неудобно, и он принес ее сам. На вид Бай Ману было лет двадцать с небольшим. У него было очень смуглое лицо, прямой, открытый взгляд. Я забыл, о чем мы с ним беседовали, помню лишь, что он назвал мне свою фамилию — Сюй и сообщил, что он родом из Сяншана. На мой вопрос, почему так странно зовут женщину, на имя которой он получает письма (отчего оно показалось мне странным, я уже забыл), он ответил, что и ему это не очень по душе, но она романтична и любит все необычное. Вот то немногое, что осталось у меня в памяти.

Той же ночью я бегло слыхал перевод с оригиналом. Среди нескольких ошибок встретилась одна намеренная. Ему, по-видимому, не нравилось выражение «национальный поэт», и он всюду заменил его «народным поэтом».

На следующий день я получил от него письмо, в котором он жалел, что встретился со мной; так как сам он говорил очень много, а я — мало и как бы подавлял его своей холодностью. Я ему ответил и разъяснил, что сдержанность при первой встрече — дело обычное, и указал, что нельзя как вздумается менять текст оригинала.

Его оригинал остался у меня, а я послал ему два сборника Петефи из собственной библиотеки с просьбой перевести еще несколько стихотворений для журнала.

Он перевел и принес сам. На этот раз мы поговорили немного больше, чем при первой встрече. Биография Петефи и стихи его были затем напечатаны в пятом номере второго тома «Потока», то есть в последней его книге.

Как мне помнится, наша третья встреча произошла в жаркий день. В дверь постучали. Я открыл, и оказалось, что это Бай Ман. На нем был толстый ватный халат, пот струился по его лицу, и мы оба не могли удержаться от смеха. Тут он рассказал мне, что он революционер и только что освобожден из тюрьмы. У него отобраны всю одежду и книги, вместе с теми двумя, что я послал ему. Он вынужден был надеть длинный ватный халат, который только и мог одолжить ему один друг, так что ему волей-неволей приходилось потеть. Мне кажется, что именно на этот случай и указывала фраза г. Линь Мана: «Вскоре его опять арестовали».

Радуюсь его освобождению, я поспешил выplatить ему гонорар, чтобы он приобрел себе одежду, но потерю своих книг переживал тяжело: эти жемчужины, попав в руки охранки, канули во тьму.

Это были самые простые книги — том прозы и том стихотворений. Немецкий переводчик писал, что собрал их сам и что даже в Венгрии, на родине автора, нет таких полных изданий. Но в Германии их легко купить в серии «универсальная библиотека «Реклама», стоят они дешевле юаня. И только для меня они — сокровище. Еще лет тридцать тому назад я горячо люблю Петефи. Выписывая его произведения из Германии через издательство Марулан, я долго не решался заказать о них разговор, боясь, что приказчик не возьмет за них такие дешевые книги. Я впоследствии всегда носил их с собой, но обстановка менялась, и необходимость в переводе отпала. Теперь же я решил, что нашел, наконец, хорошее применение книгам, посылая их такому же влюбленному в стихи Петефи юноше, каким когда-то был я сам. И я торжественно поручил Жоу Ши лично отнести книги переводчику. Не обидно ли, что они в конце концов попали в руки охранки.

II

Я не приглашаю к себе авторов не столько из скромности, сколько желая избежать лишних хлопот. Долголетний опыт показывал мне, что большая часть мо-

простую, здоровую литературу. Вскоре мы стали издавать журнал «Утренние цветы», выходящий раз в декаду, сборники «Современные рассказы мира» и «Утренние цветы сада искусств». И только одна книга, «Избранные картины Отнаи»¹, появилась у нас с другой целью: потянуть бумажного тигра — художника Е Линь-фына² и сместь его с шанхайской отдели.

У самого Жоу Ши не было денег, и для вклада в издательство он занял более двухсот юаней. Почти все дела свалились на него: просмотр большей части рукописей, покупка бумаги, беготня по типографиям, возня с иллюстрациями, корректурами и проч. Но часто дело не ладилось, и, заговаривая об этом, он хмурился. Его старые произведения были полны пессимизма, но сам он верил в человека. Иногда я рассказывал ему, как обманывают, как продают друзей, как высасывают кровь, а он — с таким чистым лбом, с округлившимися от удивления близорукими глазами — начинал протестовать: «И это возможно? Должно быть, до этого не доходит, а?»

Общество «Утренние цветы» скоро закрылось. Даже не хочется объяснять, почему.

В общем, первым набил себе шишку оптимист Жоу Ши. Конечно, вся его энергия пропала впустую; да еще пришлось занять сто юаней для уплаты по счетам за бумагу. Так исчезало его недоверие к моим словам «остерегайся людей». Иногда он даже вздыхал: «Неужели это действительно могло случиться?», но попрежнему верил в человека.

Принадлежавшие ему остатки изданий общества «Утренние цветы» он оставил в книжных лавки «Завтра» и «Слава Китая», в надежде выручить хоть несколько грошей, и целиком отдался переводам, чтобы покрыть долги гонораром. Он перевел для Коммерческого издательства «Сборник датских рассказов» и роман Горького «Дело Артамоновых». Но эти рукописи, кажется, сгорели в пожаре войны в прошлом году³.

¹ Отнаи — японский художник.

² Е Линь-фын — художник, кинившийся своей революционной, а затем перебежавший в лагерь реакции.

³ Во время оборонных Шанхая от японских империалистов (январь — февраль 1932 г.).

III

Только с организацией «Лиги левых писателей» я узнал, что знакомый мне Бай Ман был тот самый Иньфу, который помещал стихотворения в «Пионере»¹. На одно из заседаний Лиги я захватил для него немецкий перевод книги какого-то американского корреспондента «Путешествие по Китаю», просто для практики в немецком языке. Но Бай Ман не явился, и мне пришлось снова передать эту книгу через Жоу Ши.

Вскоре их всех арестовали, и эта моя книга тоже попала в руки охранки.

Издательство «Завтра» решило выпускать журнал и пригласило редактором Жоу Ши. Он согласился. Оно собиралось также публиковать мои переводы и поручило Жоу Ши договориться со мной об условиях издания. Я переписал свой договор с издательством «Бэйсинь» и дал Жоу Ши. Он сунул его в карман и сразу же ушел. Это произошло вечером 16 января 1931 года. Я и не думал, что эта встреча окажется последней. Мы расстались навсегда.

На другой день на каком-то собрании он был арестован. В кармане у него нашли мой договор, и распространились слухи, что полиция из-за этого разыскивала меня. Договор был как договор, но мне не хотелось идти объясняться в это темное место. Помнитесь, в «Полной биографии Ю Фэя»² говорилось об одном мудром монахе: «Как только преследователи подошли к воротам монастыря, этот мудрец тут же сложил нечто вроде буддийского гимна: «Хэ Ли пришел с востока, а я уходя на запад», и «сидя преставился».

Заступника-защитника не дождался. Для рабов, мечтавших выбраться из моря скорби, это было единственно доступным средством, — свободным оставался

¹ «Пионер» — журнал «Лиги левых писателей».

² И Ю Фэй — китайский полководец, герой борьбы с нашествием варваров в XII в.

впервые. Но Жоу Ши всегда слишком хорошо думал о людях — как будто до сих пор те были просвещенными и только к ним относились по-варварски. На деле все оказалось иначе. Как и предполагалось, второе письмо носило уже другой характер. Он с горечью сообщил, что у Фын Кэн распухло все лицо. Жаль, что второго письма я не переписал. Слухов становилось все больше. Поговаривали, что Жоу Ши можно взять на поруки, что его уже перевели в Пекин, но все эти сведения были недостоверны. Все чаще приходили письма и телеграммы с запросами моего мнения, и моя мать в Бэйпине даже заболела от волнения. Мне пришлось писать одно письмо за другим, чтобы рассеять ее сомнения. Так прошло дней двадцать.

Погода становилась все холоднее. Было ли у Жоу Ши одеяло? У нас-то было. Получил ли он жестяные чашки? И вдруг пришло достоверное известие: Жоу Ши и еще двадцать два человека расстреляны в комендатуре Лунхуа в ночь с 7 на 8 февраля. В него попало 10 пуль. Так вот оно что!..

Темной ночью я вышел во двор гостиницы, заваленный грязным хламом. Все кругом спало. Засынул даже жена и ребенок. Я был подавлен. Я чувствовал, что сам я потерял близких друзей, а Китай — замечательных юношей. Только сила долголетней привычки заставляла меня овладеть собой и прервать следующие строки:

Привык до предсмертной рани
Я теперь проводить без сна;
Но я теперь, увы, изгнанник,
И на висках уж седина.
И все мне чудится от горя,
Что где-то близко плачет мать,
Что глазами тирана горю,
Одет, как саваном, олет...
Нет, смерть своих друзей горю,
Не в силах молча я смести,
И, как оружие боевое,
Ищу я гневно грозный стих.
Но только вря тружусь, как прежде:
Стихам в печати места нет!
Взошла луна. И лунный свет
Водой струится по одежде!¹

¹ Перевод И. Лисевича.

В этот день в позапрошлом году я скрывался в гостинице, а они шли на казнь. В этот день в прошлом году под артиллерийским обстрелом я бежал на английскую территорию, а они уже давно были погребены неизвестно где. И только в этом году в этот день я сидел в своем старом жилище. Все кругом спало. Засынул даже жена и ребенок. Я был подавлен. Я чувствовал, что сам я потерял близких друзей, а Китай — замечательных юношей. Только сила долголетней привычки заставляла меня овладеть собой и прервать следующие строки:

Писать? Но в Китае сегодня все еще нет места, где можно было бы писать. В юности я омыл удивлялся Сян Цзы-ци¹ — почему в его оде «Думы о старине» всего лишь несколько строгих строк, — не успел начать и всего лишь несколько строгих строк, — не успел начать и всего лишь несколько строгих строк.

Не молодежь пишет в память о стариках. За тридцать лет я собственными глазами видел столько крови молодых, и ее льется все больше, она заливает меня, не дает дышать. Те немногие фразы, что я смог написать, явились крохотной отдушиной, чтобы хоть с трудом, прерывисто, но вздохнуть.

Да, таков мир. Ночь так длинна, а путь так долг, что лучше мне забыть и замолчать. Но я знаю, что и без меня наступит время, когда о них вспомнят и заговорят...

лодежи, а особенно литературной, воспринимает все очень остро, что у нее сильно развито чувство собственного достоинства, и малейшая неосторожность может вызвать недоразумение. Поэтому я почти всегда намеренно избегаю таких встреч и еще больше остерегаюсь давать молодежи какие-либо поручения.

В то время, в Шанхае, я осмеливался остерегаться только с одним юношей и даже не боялся давать ему кое-какие личные поручения. Это был тот самый Жоу Ши, который относил книги Бай Ману.

Не помню, когда и где я с ним встретился впервые. Он, кажется, говорил, что слушал мои лекции в Пекине, — значит, лет девять тому назад. Позабыл я также, при каких обстоятельствах мы стали с ним встречаться в Шанхае. Помню лишь, что он жил на улице Цзинь-юнь, домов через пять от меня. Как будто с первого же раза он назвал мне свою фамилию — Чжао и имя Пин-фу. Он рассказал мне, как на его родине люди богатые и родовитые кичатся своим положением, как одному из богатей понравившись имя Пин-фу, он захотел назвать им своего сына и просил Жоу Ши отказаться от своего имени. Тогда мне пришлось в голову, что первоначально в его имени был другой иероглиф «фу» со значением «счастье», — это могло понравиться деревенскому шенши, но вряд ли он проявил бы такой интерес к простому «фу» — «возвращение».

Жоу Ши был родом из Нинхуа в области Тайчжоу, что сразу сказывалось в его настойчивости, характерной для тайчжоусцев. Вместе с тем своей застенчивостью он иногда напоминал Фан Сю-жу¹.

Жоу Ши работал дома, писал сам и переводил. Мы долгое время встречались, беседовали и выяснили, что у нас одни взгляды. Вместе с другими молодыми людьми, близкими нам по убеждениям, мы договорились основать общество «Утренние цветы», желая ознакомить читателей с литературой восточной и северной Европы и с иностранной графикой, так как все мы считали необходимым вырастить на нашей почве

людей, а особенно литературной, воспринимает все очень остро, что у нее сильно развито чувство собственного достоинства, и малейшая неосторожность может вызвать недоразумение. Поэтому я почти всегда намеренно избегаю таких встреч и еще больше остерегаюсь давать молодежи какие-либо поручения.

В то время, в Шанхае, я осмеливался остерегаться только с одним юношей и даже не боялся давать ему кое-какие личные поручения. Это был тот самый Жоу Ши, который относил книги Бай Ману.

Не помню, когда и где я с ним встретился впервые. Он, кажется, говорил, что слушал мои лекции в Пекине, — значит, лет девять тому назад. Позабыл я также, при каких обстоятельствах мы стали с ним встречаться в Шанхае. Помню лишь, что он жил на улице Цзинь-юнь, домов через пять от меня. Как будто с первого же раза он назвал мне свою фамилию — Чжао и имя Пин-фу. Он рассказал мне, как на его родине люди богатые и родовитые кичатся своим положением, как одному из богатей понравившись имя Пин-фу, он захотел назвать им своего сына и просил Жоу Ши отказаться от своего имени. Тогда мне пришлось в голову, что первоначально в его имени был другой иероглиф «фу» со значением «счастье», — это могло понравиться деревенскому шенши, но вряд ли он проявил бы такой интерес к простому «фу» — «возвращение».

Жоу Ши был родом из Нинхуа в области Тайчжоу, что сразу сказывалось в его настойчивости, характерной для тайчжоусцев. Вместе с тем своей застенчивостью он иногда напоминал Фан Сю-жу¹.

Жоу Ши работал дома, писал сам и переводил. Мы долгое время встречались, беседовали и выяснили, что у нас одни взгляды. Вместе с другими молодыми людьми, близкими нам по убеждениям, мы договорились основать общество «Утренние цветы», желая ознакомить читателей с литературой восточной и северной Европы и с иностранной графикой, так как все мы считали необходимым вырастить на нашей почве

людей, а особенно литературной, воспринимает все очень остро, что у нее сильно развито чувство собственного достоинства, и малейшая неосторожность может вызвать недоразумение. Поэтому я почти всегда намеренно избегаю таких встреч и еще больше остерегаюсь давать молодежи какие-либо поручения.

В то время, в Шанхае, я осмеливался остерегаться только с одним юношей и даже не боялся давать ему кое-какие личные поручения. Это был тот самый Жоу Ши, который относил книги Бай Ману.

Не помню, когда и где я с ним встретился впервые. Он, кажется, говорил, что слушал мои лекции в Пекине, — значит, лет девять тому назад. Позабыл я также, при каких обстоятельствах мы стали с ним встречаться в Шанхае. Помню лишь, что он жил на улице Цзинь-юнь, домов через пять от меня. Как будто с первого же раза он назвал мне свою фамилию — Чжао и имя Пин-фу. Он рассказал мне, как на его родине люди богатые и родовитые кичатся своим положением, как одному из богатей понравившись имя Пин-фу, он захотел назвать им своего сына и просил Жоу Ши отказаться от своего имени. Тогда мне пришлось в голову, что первоначально в его имени был другой иероглиф «фу» со значением «счастье», — это могло понравиться деревенскому шенши, но вряд ли он проявил бы такой интерес к простому «фу» — «возвращение».

Жоу Ши был родом из Нинхуа в области Тайчжоу, что сразу сказывалось в его настойчивости, характерной для тайчжоусцев. Вместе с тем своей застенчивостью он иногда напоминал Фан Сю-жу¹.

Жоу Ши работал дома, писал сам и переводил. Мы долгое время встречались, беседовали и выяснили, что у нас одни взгляды. Вместе с другими молодыми людьми, близкими нам по убеждениям, мы договорились основать общество «Утренние цветы», желая ознакомить читателей с литературой восточной и северной Европы и с иностранной графикой, так как все мы считали необходимым вырастить на нашей почве

людей, а особенно литературной, воспринимает все очень остро, что у нее сильно развито чувство собственного достоинства, и малейшая неосторожность может вызвать недоразумение. Поэтому я почти всегда намеренно избегаю таких встреч и еще больше остерегаюсь давать молодежи какие-либо поручения.

В то время, в Шанхае, я осмеливался остерегаться только с одним юношей и даже не боялся давать ему кое-какие личные поручения. Это был тот самый Жоу Ши, который относил книги Бай Ману.

Не помню, когда и где я с ним встретился впервые. Он, кажется, говорил, что слушал мои лекции в Пекине, — значит, лет девять тому назад. Позабыл я также, при каких обстоятельствах мы стали с ним встречаться в Шанхае. Помню лишь, что он жил на улице Цзинь-юнь, домов через пять от меня. Как будто с первого же раза он назвал мне свою фамилию — Чжао и имя Пин-фу. Он рассказал мне, как на его родине люди богатые и родовитые кичатся своим положением, как одному из богатей понравившись имя Пин-фу, он захотел назвать им своего сына и просил Жоу Ши отказаться от своего имени. Тогда мне пришлось в голову, что первоначально в его имени был другой иероглиф «фу» со значением «счастье», — это могло понравиться деревенскому шенши, но вряд ли он проявил бы такой интерес к простому «фу» — «возвращение».

Жоу Ши был родом из Нинхуа в области Тайчжоу, что сразу сказывалось в его настойчивости, характерной для тайчжоусцев. Вместе с тем своей застенчивостью он иногда напоминал Фан Сю-жу¹.

Жоу Ши работал дома, писал сам и переводил. Мы долгое время встречались, беседовали и выяснили, что у нас одни взгляды. Вместе с другими молодыми людьми, близкими нам по убеждениям, мы договорились основать общество «Утренние цветы», желая ознакомить читателей с литературой восточной и северной Европы и с иностранной графикой, так как все мы считали необходимым вырастить на нашей почве

людей, а особенно литературной, воспринимает все очень остро, что у нее сильно развито чувство собственного достоинства, и малейшая неосторожность может вызвать недоразумение. Поэтому я почти всегда намеренно избегаю таких встреч и еще больше остерегаюсь давать молодежи какие-либо поручения.

В то время, в Шанхае, я осмеливался остерегаться только с одним юношей и даже не боялся давать ему кое-какие личные поручения. Это был тот самый Жоу Ши, который относил книги Бай Ману.

Не помню, когда и где я с ним встретился впервые. Он, кажется, говорил, что слушал мои лекции в Пекине, — значит, лет девять тому назад. Позабыл я также, при каких обстоятельствах мы стали с ним встречаться в Шанхае. Помню лишь, что он жил на улице Цзинь-юнь, домов через пять от меня. Как будто с первого же раза он назвал мне свою фамилию — Чжао и имя Пин-фу. Он рассказал мне, как на его родине люди богатые и родовитые кичатся своим положением, как одному из богатей понравившись имя Пин-фу, он захотел назвать им своего сына и просил Жоу Ши отказаться от своего имени. Тогда мне пришлось в голову, что первоначально в его имени был другой иероглиф «фу» со значением «счастье», — это могло понравиться деревенскому шенши, но вряд ли он проявил бы такой интерес к простому «фу» — «возвращение».

Жоу Ши был родом из Нинхуа в области Тайчжоу, что сразу сказывалось в его настойчивости, характерной для тайчжоусцев. Вместе с тем своей застенчивостью он иногда напоминал Фан Сю-жу¹.

Жоу Ши работал дома, писал сам и переводил. Мы долгое время встречались, беседовали и выяснили, что у нас одни взгляды. Вместе с другими молодыми людьми, близкими нам по убеждениям, мы договорились основать общество «Утренние цветы», желая ознакомить читателей с литературой восточной и северной Европы и с иностранной графикой, так как все мы считали необходимым вырастить на нашей почве

людей, а особенно литературной, воспринимает все очень остро, что у нее сильно развито чувство собственного достоинства, и малейшая неосторожность может вызвать недоразумение. Поэтому я почти всегда намеренно избегаю таких встреч и еще больше остерегаюсь давать молодежи какие-либо поручения.

В то время, в Шанхае, я осмеливался остерегаться только с одним юношей и даже не боялся давать ему кое-какие личные поручения. Это был тот самый Жоу Ши, который относил книги Бай Ману.

Не помню, когда и где я с ним встретился впервые. Он, кажется, говорил, что слушал мои лекции в Пекине, — значит, лет девять тому назад. Позабыл я также, при каких обстоятельствах мы стали с ним встречаться в Шанхае. Помню лишь, что он жил на улице Цзинь-юнь, домов через пять от меня. Как будто с первого же раза он назвал мне свою фамилию — Чжао и имя Пин-фу. Он рассказал мне, как на его родине люди богатые и родовитые кичатся своим положением, как одному из богатей понравившись имя Пин-фу, он захотел назвать им своего сына и просил Жоу Ши отказаться от своего имени. Тогда мне пришлось в голову, что первоначально в его имени был другой иероглиф «фу» со значением «счастье», — это могло понравиться деревенскому шенши, но вряд ли он проявил бы такой интерес к простому «фу» — «возвращение».

Жоу Ши был родом из Нинхуа в области Тайчжоу, что сразу сказывалось в его настойчивости, характерной для тайчжоусцев. Вместе с тем своей застенчивостью он иногда напоминал Фан Сю-жу¹.

Жоу Ши работал дома, писал сам и переводил. Мы долгое время встречались, беседовали и выяснили, что у нас одни взгляды. Вместе с другими молодыми людьми, близкими нам по убеждениям, мы договорились основать общество «Утренние цветы», желая ознакомить читателей с литературой восточной и северной Европы и с иностранной графикой, так как все мы считали необходимым вырастить на нашей почве

людей, а особенно литературной, воспринимает все очень остро, что у нее сильно развито чувство собственного достоинства, и малейшая неосторожность может вызвать недоразумение. Поэтому я почти всегда намеренно избегаю таких встреч и еще больше остерегаюсь давать молодежи какие-либо поручения.

В то время, в Шанхае, я осмеливался остерегаться только с одним юношей и даже не боялся давать ему кое-какие личные поручения. Это был тот самый Жоу Ши, который относил книги Бай Ману.

Не помню, когда и где я с ним встретился впервые. Он, кажется, говорил, что слушал мои лекции в Пекине, — значит, лет девять тому назад. Позабыл я также, при каких обстоятельствах мы стали с ним встречаться в Шанхае. Помню лишь, что он жил на улице Цзинь-юнь, домов через пять от меня. Как будто с первого же раза он назвал мне свою фамилию — Чжао и имя Пин-фу. Он рассказал мне, как на его родине люди богатые и родовитые кичатся своим положением, как одному из богатей понравившись имя Пин-фу, он захотел назвать им своего сына и просил Жоу Ши отказаться от своего имени. Тогда мне пришлось в голову, что первоначально в его имени был другой иероглиф «фу» со значением «счастье», — это могло понравиться деревенскому шенши, но вряд ли он проявил бы такой интерес к простому «фу» — «возвращение».

Жоу Ши был родом из Нинхуа в области Тайчжоу, что сразу сказывалось в его настойчивости, характерной для тайчжоусцев. Вместе с тем своей застенчивостью он иногда напоминал Фан Сю-жу¹.

Жоу Ши работал дома, писал сам и переводил. Мы долгое время встречались, беседовали и выяснили, что у нас одни взгляды. Вместе с другими молодыми людьми, близкими нам по убеждениям, мы договорились основать общество «Утренние цветы», желая ознакомить читателей с литературой восточной и северной Европы и с иностранной графикой, так как все мы считали необходимым вырастить на нашей почве